

К ВОПРОСУ ОБ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

В последнее время стало общим местом возлагать на интеллигенцию надежду, связанную с переустройством общества. Сегодня и левые, и правые, и центр политического спектра России кровно заинтересованы в перетягивании интеллигенции на свою сторону. Левых в лице КПРФ понять можно: так и не дождавшись стихийного выступления рабочих и крестьян, вызываемого к жизни сезонными (весной, летом, осенью, зимой) заклинаниями Зюганова, они ищут опору в интеллигенции.

Насколько это обосновано, более того, правомерно? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо выявить природу интеллигенции, провести ее идентификацию.

Для этого недостаточно знания о наличии у ее представителей разума, образования, нравственности, впечатлительности и т. д. и т. п., а следует рассмотреть их отношение к общественному производству средств к жизни. Тут-то и обнаруживается (исходя из понимания интеллигенции как совокупности людей, занятых максимально умственным — минимально физическим трудом), что представители интеллигенции имеют косвенное отношение к общественному производству средств к жизни.

Дальнейшие рассуждения в этом направлении приводят к тому, что помимо интеллигенции косвенное отношение к общественному производству средств к жизни имеют также представители эксплуататорских классов. Учитывая, что эксплуататорский класс преимущественно, если не сказать целиком, формируется из среды интеллигенции, можно и должно сделать вывод об интеллигенции как носителе эксплуататорского класса. Интеллигенция — это не прослойка общества, как думают отечественные ученые-обществоведы и как принято считать в так называемом цивилизованном обществе, а основа класса, косвенно занятого в общественном производстве средств к жизни. Вот почему она не препятствовала капиталисту (буржуазии) строить капиталистическое (буржуазное) государство, феодалу — феодальное государство, рабовладельцу — рабовладельческое государство, ибо и капиталист, и феодал, и рабовладелец являются представителями одного с интеллигенцией класса, отвечают общим требованиям и выражают общие с ней интересы: брать от общества как можно больше, а отдавать — как можно меньше. Вовсе не случайно интеллигенция, например в царской России, получала заработную плату в среднем в 20 раз больше, чем рабочий. Если же брать крайности, то это разница доходила до 4000 и более раз.

Потому-то в октябре 1917 года отечественная интеллигенция преимущественно не поддержала социалистические (коммунистические) преобразования в стране, более того, всячески противодействовала им, что они, указанные преобразования, не отвечали ее интересам и потребностям. В то время как простой российский народ влачил жалкое существование, российская интеллигенция изо дня в день ковала кадры российских эксплуататоров, стояла на страже их интересов и потребностей как своих собственных, поскольку они (интересы и потребности эксплуататоров) совпадали с ее интересами и потребностями. Иначе и быть не могло, ибо эксплуататоры есть своего рода передовой отряд интеллигенции. Вот почему когда российские рабочие и крестьяне в октябре 1917 года принялись изгонять из страны эксплуататоров, значительная часть российской интеллигенции выступила на стороне последних.

Даже после взятия власти в России пролетариатом в свои руки интеллигенция активно препятствовала строительству социализма (коммунизма) в стране. Крушение строительства социализма (коммунизма) в России во многом обусловлено тем, что российский

пролетариат, уничтожив отечественных феодалов и нарождающуюся буржуазию, т. е. явных эксплуататоров, не сумел разглядеть, распознать в интеллигенции своего классового врага. Именно недоосознание пролетариатом России необходимости борьбы с интеллигенцией как со своим классовым врагом лежит в основе крушения строительства социализма (коммунизма) в стране.

Согласно марксистско-ленинской философии, «наряду с основными и не основными классами в обществе существуют различные общественные прослойки, например интеллигенция. Она крайне неоднородна в социальном отношении, не занимает особого места в системе общественного производства, не имеет самостоятельного отношения к средствам производства. Интеллигенция — это социальная группа, состоящая из людей, занимающихся интеллектуальным трудом, пополняющая свои ряды выходцами из различных классов общества и служащая интересам различных классов. Интеллигенция была и в рабовладельческом, и в феодальном обществе, но как особая социальная прослойка она сложилась лишь при капитализме. Обслуживая тот или иной класс, интеллигенция не играет самостоятельной роли в историческом процессе. Однако она оказывает значительное влияние на общественное развитие, находясь на службе тех или иных классов»¹ⁱ.

Мысль о том, что интеллигенция, не играя самостоятельной роли в историческом процессе, оказывает значительное влияние на общественное развитие, как нельзя лучше характеризует отечественных ученых-обществоведов, мастерски освоивших приемы умелого обращения с «противоположностями», выхода из ситуаций, казавшихся тупиковыми.

Что касается неоднородности интеллигенции в социальном отношении, то этот признак легко применим к любому классу, а значит, не является определяющим.

Утверждение «интеллигенция не занимает особого места в системе общественного производства» лишено всяких оснований. Интеллигенция занимает особое место в системе общественного производства, ибо, по определению самих же авторов указанного произведения, интеллигенция — это социальная группа, состоящая из людей, занимающихся интеллектуальным трудом. Следовательно, интеллигенция — это социальная группа, состоящая из людей, занимающихся в общественном производстве интеллектуальным (в соответствии с ранее установленным нами, читатель, правильнее будет сказать максимально умственным — минимально физическим) трудом. Говорить после этого, что интеллигенция не занимает особого места в системе общественного производства, значит по меньшей мере противоречить самим себе, а по большей — говорить глупости.

Насчет того, что интеллигенция не имеет самостоятельного отношения к средствам производства, сегодня, в новых исторических условиях, полагаю, нет надобности глубокого анализа для доказательства обратного. Достаточно указать на тот факт, что после поражения социализма в России в 1991 году, где за годы советской власти была ликвидирована частная собственность на средства производства, здесь в одночасье появились частные собственники, которыми в 99,9% стали представители интеллигенции. Стоило рухнуть советской власти, как интеллигенция выступила в роли частных собственников и эксплуататоров. Не имея интеллигенция самостоятельного отношения к средствам производства, подобное было бы невозможно.

Таким образом, утверждения о том, что интеллигенция есть прослойка общества; что интеллигенция не занимает особого места в системе общественного производства; что интеллигенция не играет самостоятельной роли в историческом процессе — глубоко ошибочны. Куда больше подходит для интеллигенции определение классов, данное Лениным. «Классы, — писал он, — это такие группы людей, из которых одна может себе присваивать труд другой благодаря различию их места в определенном укладе общественного хозяйства»²ⁱⁱ.

Следует особо отметить тот исторический факт, что там и тогда, где в результате смены общественно-экономической формации власть в обществе переходила от одного эксплуататорского класса к другому эксплуататорскому классу, интеллигенция активно поддерживала данное преобразование. В противном случае, т. е. там и тогда, где в результате

смены общественно-экономической формации власть в обществе переходила от эксплуататорского класса к эксплуатируемому классу, интеллигенция активно сопротивлялась данному преобразованию. За примерами далеко ходить не надо. Для тех, кому деятельность интеллигенции в период строительства социализма (коммунизма) в России неприемлема в качестве доказательства интеллигенции как основы формирования и развития эксплуататоров, можно указать на деятельность интеллигенции в период царской России, скажем, при подавлении крестьянских восстаний, вспыхнувших под руководством Емельяна Пугачева и Степана Разина, или при расстреле рабочего шествия, мирно двигавшегося к Зимнему дворцу 9 января 1905 года. В последнем случае, рабочие шли к царю, неся хоругви, иконы, кресты и большой белый флаг, на котором было написано «Солдаты, не стреляйте в народ», обнажив головы, с пением церковных песен для подачи петиции царю с просьбой об улучшении их правового и экономического положения. В ответ на это они были расстреляны из винтовок и пулеметов и изрублены саблями по приказу царя и его окружения. Тогда было убито свыше 1 тыс. и ранено более 2 тыс. ни в чем не повинных рабочих.

Аналогично обстоит дело и в современной России. Расстрел Верховного Совета РСФСР из танков, учиненный постсоциалистической интеллигенцией в 1993 году, — убедительное тому доказательство.

Основоположники марксизма уже в первом совместном произведении «Святое семейство» говорили о том, что «пролетариат может и должен сам себя освободить»³ⁱⁱⁱ. Впоследствии они неизменно приходили к выводу о правильности данного положения. Разумеется, они не отрицали участия других слоев общества в освобождении пролетариата на стороне последнего. Особую роль при этом они отводили крестьянству. Что касается интеллигенции, то они не видели в ней сколь-нибудь значимого союзника пролетариата. Более того, они полагали, что от интеллигенции будет больше вреда делу освобождения пролетариата, чем пользы. «Я не могу понять, — писал Энгельс О. Бенигу 21 августа 1890 года, — как можете Вы говорить о невежестве масс в Германии после блестящего доказательства политической зрелости, которое наши рабочие дали в победоносной борьбе против закона о социалистах. Мнимо ученое чванство наших так называемых образованных представляется мне гораздо более серьезным препятствием. Конечно, нам не хватает еще техников, агрономов, инженеров, химиков, архитекторов и т. д., но на худой конец мы можем купить их для себя так же, как это делают капиталисты, а если несколько предателей — которые наверняка окажутся в этом обществе — будут наказаны как следует в назидание другим, то они поймут, что в их же интересах не обкрадывать нас больше. Но за исключением этих специалистов, к которым я отношу также и школьных учителей, мы прекрасно можем обойтись без остальных «образованных», и, к примеру, нынешний сильный наплыв в партию литераторов и студентов сопряжен со всяческим вредом, если только не держать этих господ в должных рамках»^{4iv}.

В очередной раз Энгельс высказался по этому поводу в письме к А. Бебелю от 24—26 октября 1891 года. «Для того чтобы овладеть средствами производства и пустить их в ход, — писал Энгельс, — нам нужны технически подготовленные люди, и притом в большом количестве. Их у нас нет; до последнего времени мы были даже рады тому, что по большей части избавлены от так называемой образованной публики. Теперь — другое дело. В настоящее время мы достаточно сильны, чтобы быть в состоянии принять и переварить любое количество образованного мусора, и я предвижу, что в ближайшие 8-10 лет к нам придет достаточное количество молодых специалистов в области техники и медицины, юристов и учителей, чтобы с помощью партийных товарищей организовать управление фабриками и крупными имениями в интересах нации. Тогда, следовательно, взятие нами власти будет совершено естественным образом и произойдет относительно гладко. Но если в результате войны мы придем к власти раньше, чем будем подготовлены к этому, то технические специалисты окажутся нашими принципиальными противниками и будут

обманывать и предавать нас везде, где только могут; нам придется прибегать к устрашению их, и все-таки они будут нас надувать»^{5v}.

Практика строительства первого в мире социалистического государства в целом — за вычетом того, что победивший пролетариат может купить себе интеллигенцию так же, как это делают капиталисты, — убедительно подтвердила правоту Энгельса относительно сказанного им о взаимоотношениях пролетариата с интеллигенцией. Пролетариат России в результате революции пришел к власти раньше, чем был подготовлен к этому в части принятия и переваривания образованного мусора. В итоге интеллигенция, доставшаяся ему в наследство от буржуазии, оказалась его принципиальным противником. Попытки молодой советской власти купить интеллигенцию так же, как это делают капиталисты, не принесли желаемого результата. Большинство врачей, учителей, техников и пр. саботировали работу на местах, упорно не желали помогать пролетариату строить в стране социализм (коммунизм). Другая часть интеллигенции, которую удалось-таки купить пролетариату высокими заработками, ценою напряжения до последней степени всех сил рабочих и крестьян, в массе своей вела подрывную работу против советской власти. В 1928 году по одному только «шахтинскому делу» было разоблачено около трехсот буржуазных интеллигентов, занимавшихся вредительством в Донбассе. В 1930—1931 годах было раскрыто еще три крупных контрреволюционных организации буржуазной интеллигенции: «Промпартия» занималась вредительством советской власти в промышленности, «Трудовая крестьянская партия» — в Наркомземе, «Союзное бюро РСДРП» — в Госплане, ВСНХ, Госбанке, Центросоюзе.

В чем трудность привлечения интеллигенции пролетариатом на свою сторону, к эффективному участию в строительстве социализма (коммунизма)? В природе интеллигенции.

Какова природа интеллигенции, в чем ее сущность? Для получения правильного ответа в качестве критерия принадлежности того или иного человека к интеллигенции необходимо рассмотреть различие не в его роде занятий, образовании, нравственности и т. д., а различие его места в существующем укладе общественного хозяйства, т. е. его отношение к общественному производству средств к жизни. Тут-то и обнаруживается (исходя из понимания интеллигенции как совокупности людей, занятых максимально умственным и минимально физическим трудом), что представители интеллигенции имеют косвенное отношение к общественному производству средств к жизни. Дальнейшие рассуждения в этом направлении приводят к тому, что помимо интеллигенции косвенное отношение к общественному производству средств к жизни имеют также представители эксплуататорских классов. Учитывая, что эксплуататорский класс преимущественно, если не сказать целиком, формируется из среды интеллигенции, можно и должно сделать вывод о интеллигенции как носителе эксплуататорского класса.

В итоге общество делится на два класса: класс косвенно занятый в общественном производстве средств к жизни и класс непосредственно занятый в общественном производстве средств к жизни. Отсюда ясно, почему интеллигенция не сопротивлялась ни преобразованию первобытного общества в азиатское общество, ни преобразованию азиатского общества в рабовладельческое общество, ни преобразованию рабовладельческого общества в феодальное общество, ни преобразованию феодального общества в капиталистическое общество. Напротив, во всех этих преобразованиях она принимала, можно сказать, непосредственное участие — в смысле, играла положительную роль, приветствовала их. И только в преобразовании досоциалистического общества в общество социалистическое (коммунистическое) интеллигенция играет отрицательную роль. Она охотно продавалась и капиталисту, и феодалу и т. д., а пролетариату — не хочет. Объяснение этому кроется в принадлежности интеллигенции к классу косвенно занятого в общественном производстве средств к жизни.

История свидетельствует, что ни особая нравственная впечатлительность, ни особая ранимость, ни особая отзывчивость на общие социальные проблемы, ни образованность, ни разумность и т. д. и т. п. зачастую нигде и никогда не мешали интеллигенции закрывать глаза

на кричащую несправедливость и неравноправие, в правовом и экономическом отношении имеющиеся между ней, с одной стороны, и трудовым народом, т. е. людьми, занятыми минимально умственным — максимально физическим трудом, с другой стороны. Указанные выше качества интеллигенции, как правило, не мешали ей сытно есть и мягко спать за счет трудового народа.

Совершенно очевидно, что левые под руководством КПРФ совершают грубую ошибку, полагая, что интеллигенция сама по себе, добровольно и в одночасье перейдет на их сторону. Здесь больше шансов у центристов и правых как представителей интересов одного с интеллигенцией класса, класса косвенно занятого в общественном производстве средств к жизни. Интеллигенция в том виде, в каком она была до сих пор и есть в настоящее время, скорее поддержит эксплуататоров, чем эксплуатируемых. Чтобы было наоборот, пролетариату следует повышать свое идеологическое, политическое и экономическое образование, дабы быть в состоянии принять и переварить любое количество образованного мусора. Этого-то и не может или не хочет понять левая оппозиция под руководством КПРФ. Она стремится наполнить свои хиреющие ряды кем попало и чем попало, не особенно задумываясь о качестве и долгосрочной перспективе такой политики. Возьмем, к примеру, общество РУСО (Российские ученые социалистической ориентации), где, как утверждают некоторые, собран цвет народно-патриотической интеллигенции. Насколько члены РУСО социалистически ориентированы, хорошо видно из сказанного одним из его сопредседателей Ю. К. Плетниковым в журнале «Изм» № 2 за 2000 г., где причину поражения социализма в СССР, кроме всего прочего, он видит в том, что «высококвалифицированный труд инженерно-технических работников мало оплачивался, приблизительно как неквалифицированный физический труд» (с. 36). По Плетникову, при социализме инженерно-технические работники должны получать больше, чем рабочий. И это утверждает один из лидеров ученых социалистической ориентации... Ему вторит сопредседатель НПСР (народно-патриотические силы России), председатель движения «Духовное наследие» А. Подберезкин, который считает, что «профессор должен зарабатывать больше генерала, а учитель — больше чиновника»^{6vi} — словно генерал и чиновник должны хуже есть, одеваться и т. д., т. е. жить хуже профессора и учителя. Ясно, что с такой социалистической ориентацией и с таким духовным наследием далеко до истинного союза рабочих и крестьян с интеллигенцией.

В заключение хочу сказать следующее. Не надо думать, что я против интеллигенции как таковой. Конечно, исключения были, но речь здесь не об этом, поскольку жизнедеятельность интеллигенции основывается не на исключениях, а на закономерностях, в числе которых минимальное участие в общественном производстве средств к жизни и максимальное участие в потреблении общественных материальных благ стоит на первом месте. Я за то, чтобы исключения, о которых шла речь выше, имевшие место в жизни интеллигенции до сих пор, стали правилом, а закономерности — исключением.

1.ⁱ Марксистско-ленинская философия. Исторический материализм. Изд. 6-е, доп. М., 1977. С. 113—114.

2.ⁱⁱ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 15.

3.ⁱⁱⁱ Маркс К., Энгельс Ф. Избр. соч. в 9 т. Т. 1. С. 47.

4.^{iv} Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т. 37. С. 380—381.

5.^v Там же. Т. 38. С. 163.

6.^{vi} Подберезкин А. Русский путь. М., 1997. С. 40.